

УДК 821.161.1

ББК 83.3 (2Рос=Рус)1-8 Гоголь Н. В.

Виноградов Игорь Алексеевич,

доктор филологических наук,

старший научный сотрудник,

*Институт мировой литературы им. А. М. Горького, Российская академия наук,
ул. Поварская, д. 25а, 121069 г. Москва, Российская Федерация*

E-mail: info@imli.ru

СМЫСЛ ИГРЫ В КОМЕДИИ Н. В. ГОГОЛЯ «ИГРОКИ»

Аннотация: В «игре» комедии Н. В. Гоголя «Игроки» (1842) выявляется убеждение писателя в том, что игнорирование секуляризованным обществом духовных идеалов, ориентация лишь на «техническое» совершенствование приводят к исчерпанию кредита доверия между людьми, без которого существование любого общественного института невозможно. Оригинальность гоголевского замысла заключается в том, что обыкновенную карточную игру он сумел поставить в один ряд с многочисленными явлениями общественной жизни, в которой со времён Петра I и Екатерины II «вообразительные» ценности, основанные на условном признании их действительными, стали играть куда большую роль, чем в до-петровской Руси. Пьеса рассматривается в контексте всего творчества писателя; устанавливается связь её содержания с «Ревизором» (1836), «Мёртвыми душами» (1842), книгой «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847), другими произведениями Гоголя.

Ключевые слова: Гоголь, художественное творчество, авторский замысел, интерпретация, духовное наследие.

При восприятии гоголевских «Игроков» прежде всего поражает полная иллюзия достоверности событий той «пьесы», которую разыгрывают «внутри» самой комедии искусные мошенники. В finale зритель вместе с главным героем вновь переживает в памяти всю цепочку изощрённого обмана, весь тот «театр в театре», который послужил обогащению иллюзионистов. Группа шулеров выступает в комедии искусно слаженной актёрской труппой, и на всё время действия пьесы их мастерская «театральная постановка», разыгрываемая лишь для одного лица, становится вполне «реальной» жизнью персонажей.

Как представляется, этот поразительный эффект был достигнут Н. В. Гоголем во многом благодаря тому, что в его пьесе мошенничество далеко превосходит традиционные шулерские приёмы. Вместо них средством плутовства выступает в пьесе сама искусно воспроизводимая действительность. Мошенничество выходит далеко за пределы ломберного стола; здесь демонстрируется уже не обычная воровская «ловкость рук», но «утончённая» спекуляция на самих основах жизни.

Главным итогом действия становится внезапно совершающаяся «девальвация ценностей», которые представляют собой в совокупности почти все сферы существования современного общества: государства («лицом» которого является в пьесе самозванец-чиновник), финансовых организаций, семьи, товарищества и т.д. — т. е. всего того, что ранее служило не только ручательством надёжности заключаемой героем сделки, но и гарантом «прочности» самой жизни человека. По-видимому, Гоголь намеренно придал пьесе с традиционным «шулерским» сюжетом куда большую, чем обычная пьеса о мошенниках, степень обобщения. Картчная игра становится здесь «притчей» (в гоголевском понимании этого жанра), изображающей нравы всего «цивилизованного» общества.

Ближайшее прообразовательное значение карточной игры — военное сражение, имитация битвы, где за победы полагаются трофеи и вознаграждения, а за поражение — расплачиваются. Но условное взаимное соглашение участников игры считать карты эквивалентом подлинных денег, очевидно, представляет собой и прообраз того условного договора государства со своими членами считать действительными ценностями нечто, что в действительности таковым не является, — бумажные деньги, ассигнации, — другими словами, *верительные* грамоты, имеющие сами по себе неизмеримо меньшую, едва ли не нулевую стоимость, в сравнении, скажем, с относительной ценностью золота и серебра, выступающих традиционным эквивалентом при обмене. Карты как эквивалент ценных бумаг — их разный «вес» и значение — прообразуют в гоголевской пьесе как бы разные силы и средства, манипулируя которыми можно, по условиям «биржевой» игры, согласно общественным условиям, «поразить» соперника. «Искусство» этой игры-битвы становится реальным «искусством» выживания, тренировкой, — но на самом деле пагубной эксплуатацией данных от Бога талантов героев.

Оригинальность замысла Гоголя заключается в том, что обыкновенную карточную игру он сумел поставить в один ряд с многочисленными явлениями общественной жизни, в которой со времён Петра I и Екатерины II «вообразительные» ценности, основанные на условном признании их действительными, стали играть куда большую роль, чем в допетровской Руси. Именно это позволяет увидеть гоголевскую комедию в ряду других гоголевских произведений. Чичиков в «Мёртвых душах» также манипулирует у Гоголя мнимыми ценностями — купчими бумагами, удостоверяющими окружающих в том, что их владелец имеет в своём распоряжении реальные ценности — крепостных людей. Намереваясь воспользоваться возникшей к тому времени банковской системой, т. е. заложить эти бумаги воображаемой стоимости в казну, Чичиков надеется получить под них вполне «реальные» деньги, т. е., как в карточной игре, «сорвать куш». Однако почва для этого мошенничества была создана не Чичиковым: она возникла в первой половине XIX в. в России с созданием банковского капитала и банковских бумаг, часто имеющих ценность лишь в воображении вкладчиков. Как отметил 24 октября (н.ст.) 1838 г. в своём дневнике А. И. Тургенев (которому Гоголь читал в Париже отрывки из первого тома «Мёртвых душ»), Чичиков «покупает мёртвых — для обмана ими правительства, для залога несуществующих крестьян в ломбард» [1, т. 3, с. 76].

Спекулирует Чичиков, как и герои «Игроков», не только на ценных бумагах. Протопресвитер Василий Зеньковский, более полувека посвятивший изучению гоголевского наследия, проницательно заметил: «Типично для Чичикова, что, когда он говорил о добродетели, он умел слезу пустить: он эксплуатировал в тех или иных житейских целях (над которыми всегда и во всем возвышалась верховная цель — обогащение) самые лучшие движения души» [5, с. 88–89].

Сходным образом в «Игроках» речь постоянно идёт об имитации подлинных ценностей или о «переводе» их — в целях обогащения — из одной формы в другую. Показательно, в частности, упоминание в пьесе слуги главного героя, Гаврюшки, о «золотых эполетах», которые «одной выжиги дали на шестьсот рублей». «Выжига» — выплавленный из золотой или серебряной вещи металл. Социально значимая ценность — офицерский чин — рассматривается в данном случае лишь с точки зрения весовой стоимости эполет. Однако, опять-таки, согласно Гоголю, «повод» к такой возможной «переоценке ценностей» (заключающихся в орденах и знаках отличия) не был выдуман рядовыми «игроками»-мошенниками. Его создала сама императрица Екатерина II, которая, по словам Н. М. Карамзина, «любовь к Святой Руси, охлажденную у нас переменами Великого Петра, <...> хотела заменить гражданским честолюбием; для того соединила с чинами новые прелести, или выгоды, вымыслия знаки отличий, и старалась поддерживать их цену достоинством людей, украшаемых онymi» [7, с. 107]. Понятно, что с применением европейских средств европейский «идеал» в жизни России ещё более возобладал. «У нас <...> до того дошло, — отмечал Гоголь в “Театральном разъезде...”, — что <...> если только иной не нагадит никому <...>, то уже <...> сердится <...>, если <...> не награждают его» [3, т. 4. с. 448].

Неизбежный «дефолт» вообразительных, мнимых ценностей (а не только наказание, хоть и по заслугам, одного из мошенников) и составляет главную «мораль» гоголевской пьесы. Замысел этот, в свою очередь, носит глубоко религиозный характер. Гоголь показывает, как игнорирование европеизированным государством подлинных, духовных идеалов, ориентация общества лишь на «техническое» изучение всех возможных тонкостей дела неизбежно приводят к краху, саморазрушению, к полному исчерпанию кредита доверия — «credo» между людьми, без которого существование любого общественного института невозможно.

Нельзя, к примеру, не усмотреть в рассуждениях шулера Ихарева об изучении «тонкостей» карточной игры («ведь тут практика, изученье <...> необходимая вещь»¹ [3, т. 4, с. 401]) определённого намёка Гоголя на реформаторскую деятельность Петра I по внедрению на Руси европейских новшеств. По словам писателя, Пётр I «великодушно отказался на время от царского званья своего, решился изведать сам всякое ремесло и с топором в руке стать передовым во всяком деле, дабы

¹ Как известно, сам Гоголь не признавал за карточной игрой никакого значения. К примеру, в 1851 г. на вопрос Е. А. Хитрово, что он любил в детстве, Гоголь ответил: «Прежде, маленьким ещё, — карты». На реплику Хитрово: «Это значит деятельность духа», — Гоголь возразил: «Какая деятельность духа! Пол-России только и делает. Это — бездействие духа» [1, т. 3, с. 745].

не произошло никаких беспорядков» (статья «В чём же наконец существо русской поэзии и её особенность» [3, т. 6, с. 156]). Но именно изучение «всех возможных случаев уклонений», не избавляющее от «беспорядков», но, напротив, приводящее к их «умножению» и даже «совершенствованию», Гоголь изображает в образе обманутого шулера Ихарева, разглагольствующего о своих обширных познаниях в шуллерских приёмах: «Ну, не знай я, например, всех тонкостей, не постигни всего этого — меня бы как раз обманули» [3, т. 4, с. 401]. В этом Ихарев обнаруживает прямое сходство с «юрисконсультом-философом» из заключительной главы второго тома «Мёртвых душ», который замечает по поводу своих мошенничеств: «...от частого упражнения и голова сделается находчивою» [3, т. 5, с. 338].

Позднее, в статье «Занимающему важное место», Гоголь писал: «Все до единого теперь видят, что множество дел, злоупотреблений и всяких кляуз произошло именно от того, что европейские философы-законодатели стали заранее определять все возможные случаи уклонений, до малейших подробностей, и тем открыли всякому, даже благородному и доброму, пути к бесконечным и несправедливейшим тяжбам» [3, т. 6, с. 150]. Судя по всему, Гоголь имел здесь в виду слова св. апостола Павла в Послании к Римлянам: «Законом бо познание греха»; и — «Закон же привнide, да умножится прегрешение...» (гл. 3, ст. 20; гл. 6, ст. 20)², а также строки девятнадцатой главы Книги Премудрости Иисуса, сына Сирахова: «Несть премудрость ведение лукавства, и <...> лучше скучный знанием, но богообязненный, нежели богатый знанием — и преступающий закон» (ст. 19, 21). В порочном обществе изучение юриспруденции, права очень часто становится не средством укрепления законности, а, напротив, наиболее верным способом борьбы с законом. В конечном счёте мнимые ценности, принявшие вид и «имя» подлинных, обнаруживаются в финале гоголевской комедии свою пустоту и бессодержательность. Само именование мошеннической затеи Ихарева «благородным» именем Аделаиды (это древнегерманское имя означает в переводе «благородная», «высокорождённая») призвано напомнить типичную практику мнимо-«благородных» предприятий, а именно «высокие» именования противоправительственных масонских лож с их «громкими» и «ответственными» вывесками: Ложа Святой Екатерины; Ложа трёх

² Очевидно, однако, что критическое отношение Гоголя к такому «познанию греха» отнюдь не означает осуждения самого «закона». «Грех, взяв повод от заповеди, — поясняет апостол Павел в седьмой главе Послания к Римлянам (ст. 8), — произвел во мне всякое пожелание; ибо без закона грех мёртв» (т. е. «не так известен», — по толкованию св. Иоанна Златоуста [6, с. 627]). Гоголь в своём трактате «О тех душевных расположениях и недостатках наших, которые производят в нас смущение и мешают нам пребывать в спокойном состоянии» в соответствии с этим положением писал: «Побеждать гнев гораздо труднее тому, кто ещё не подозревает в себе этого греха. А кто уже узнал, что в нем есть гнев, тому легче. Он уже знает, против чего ему следует действовать...» [3, т. 6, с. 305]. «Если до закона, — указывал Иоанн Златоуст, — грешили незаметно для себя, то после пришествия закона, хотя и не получили никакой другой пользы, по крайней мере в точности узнали, что грешили; а это уже не мало значило в деле освобождения от порока» [6, с. 628]. (С толкованием св. Иоанна Златоуста на Послание апостола Павла к Римлянам Гоголь познакомился в начале 1840 г. [4, т. 8, с. 804].)

христианских добродетелей; Ложа Истинного патриотизма; Ложа Доброго пастыря, Союз благоденствия и т.п. Есть в «Игроках» и определённый намёк на бесконечные степени посвящения в мнимо-благородную масонскую «дружбу», когда приобщаемый к «высшим тайнам» всё-таки остаётся «профаном» перед главными мошенниками. Этот намёк содержится в реплике шулера Утешительного к обольщаемому Ихареву: «Мы <...> сговорились обыграть вас, потому что приняли вас за человека обыкновенного. Но теперь видим, что вам знакомы высшие тайны. <...> Хотите ли принять нашу дружбу?» [3, т. 4, с. 377].

Одна из самых наглядных попыток «верховных распорядителей» масонства возвеличить свои мнимо-благородные предприятия — и даже поставить их в один ряд с духовным наследием Отечественной войны 1812 г. — была хорошо известна Гоголю. Это посвящённый памяти 1812 г. проект Храма Христа Спасителя, созданный в 1816 г. архитектором А. Л. Витбергом в соответствии с масонскими принципами. Втайной спекуляции вокруг строительства этого храма и принимает участие «рыцарь копейки» Чичиков, которого «догадливые чиновники» сравнивают в поэме то с капитаном Копейкиным, то с самим Наполеоном. На этот эпизод в биографии героя не раз обращалось внимание в литературе. Имеется в виду участие Чичикова в деятельности проворовавшейся «комиссии для построения какого-то казённого весьма капитального строения» (в черновой редакции: «комиссии постройки храма Божия»; подчёркивается в черновой рукописи и «огромность храма» [3, т. 5, с. 224, 623]). Храм Христа Спасителя — память 1812 г., для Чичикова — лишь возможность поживиться. В этом смысле наследие Отечественной войны имеет для героя такое же значение, как для игрока-мошенника золотые офицерские эполеты, дающие «выжиги... на шестьсот рублей».

Однако если «пожива» Чичикова на несостоявшейся постройке Храма Христа Спасителя носила, так сказать, сиюминутный и единовременный характер, то для самих «верховных распорядителей» — игроков, «знакомых с высшими тайнами», прибыльным итогом постройки их тайного «храма» и явился 1825 г. со всеми его долголетними метаставами. Очевидно, не случайно в истории о Тентетникове в первой главе второго тома «Мёртвых душ» Гоголь в качестве основателя и «верховного распорядителя» «филантропического общества», в деятельности которого оказался замешан герой, называет «масона и карточного игрока» [3, т. 5, с. 262].

Стремясь увековечить свою мошенническую проделку, герой «Игроков» даже собирается заказать своей «благородной» карточной Аделаиде «мраморный памятник» в Москве [3, т. 4, с. 370]. Подобно переплавке эполет в «выжигу», взамен памятника самопожертвования — Храма Христа Спасителя — в мечтах игрока возникает памятник (увы, карточный домик!) совсем иным качествам — мошенничеству и корыстолюбию.

О причастности гоголевских «игроков» к спекуляциям духовным наследием 1812 г. прямо свидетельствуют поминаемые ими в пьесе имена сразу трёх героев Отечественной войны. Сравнение с героями 1812 г. — как раз по признаку «самопожертвования» — заслуживает в устах мошенников отнюдь не подлинный геройизм, но — по обыкновению выдавать одно за другое — безрассудное картёжное

мотовство: «Замечаешь <...> как у него глазки горят? Барклай-де-Тольевское что-то видно. Вот он герой!» [3, т. 4, с. 392]; «Из него просто выйдет Бурцов иора, забияка» [3, т. 4, с. 395]. Вспоминаются воспетый Пушкиным генерал-фельдмаршал князь М. Б. Барклай-де-Толли, отчаянный гусарский ротмистр А. П. Бурцов, а также сам автор послания «Бурцову» (1804) поэт-партизан Д. В. Давыдов. Следует при этом заметить, что «Бурцов иора», или «ёра», т. е., по объяснению В. И. Даля, «беспутный, тунеядный человек, плут и мошенник», должен быть и по-настоящему дорог игрокам (т. е. не как герой 1812 г.). В записной книжке Гоголя 1841–1846 гг. имеется соответствующее толкование этого слова: «Иорник — маленький чиновник, который денег не заплотит, маленький подлец. Другой не заплотит, потому что денег нет, а иора не заплотит, потому что не хочет. Иора герой» [3, т. 9, с. 666]. Наличие в герое Отечественной войны отдельных неприглядных черт — пусть даже эти черты лишь в шутку приписаны ему приятелем-стихотворцем — должно быть особенно лестно мошенникам, ибо придаёт «геройский» оттенок их собственному плутовству. Спекуляцией идеалами воинского духовного братства отзывается и реплика Ихарева об «узах товарищества» в одном из заключительных явлений пьесы: «Извольте, почему нет; чтобы доказать вам, что узы товарищества... (*Подходит к шкатулке и вынимает кипу ассигнаций.*) Вот вам восемьдесят тысяч!» [3, т. 4, с. 400]. Эта реплика прямо отсылает зрителя к словам Тараса Бульбы в его возвании к казакам: «Нет уз свяtee товарищества» [3, т. 2, с. 380].

При всём этом следует помнить и завет Гоголя своим читателям и зрителям искать недостатки выведенных им героев прежде всего в самих себе — завет, подразумевающий в данном случае то, что каждый для достижения своих целей когда-то да применял те или другие приёмы гоголевских «игроков». Только в таком случае можно будет отчасти постичь глубину гоголевского замысла.

В этом «прообразовательном» отношении «Игроки» вновь обнаруживают своё тесное единство с другими произведениями Гоголя, в данном случае с его главной комедией «Ревизор». Эта комедия в свою очередь завершается разоблачением «вообразительных ценностей», из которых главной для чиновников уездного города является мнимый ревизор Хлестаков. (Известно, что вологодский помещик П. Г. Волков, реальная история которого легла в основу сюжета «Ревизора», тоже был карточным игроком [1, т. 3, с. 228, 231–232]. А. О. Смирнова, в частности, сообщала: «Сверчок <А. С. Пушкин> дал Гоголю сюжет для комедии: какой-то игрок приезжает в провинцию и его принимают за важное лицо; эта история не выдуманная» [1, т. 2, с. 332].) Самонадеянная игра «по правилам» секуляризованного общества, по принятым условностям, без прочной духовной основы, означает вытеснение нравственности и Самого Бога из жизни общества. Но «Бог поругаем не бывает» (Гал. 6: 7) — и именно Он попускает, по замыслу Гоголя, искусному в обманах Городничему быть обманутым — причём даже не шайкой искусственных в своём ремесле «игроков»-мошенников, но «пустышкой» Хлестаковым, ничего со своей стороны к обману Городничего сознательно не прилагающим. Так же, по убеждению Гоголя, основанному на апостольском пророчестве, будет.popущено в конце времён прельщение живущих вне христианских заповедей людей «ничтож-

ной» (по своей духовной сущности) фигурой антихриста: «Тогда откроется беззаконник <...>, которого пришествие, по действию сатаны, будет со всякою силою и знамениями и чудесами ложными, и со всяким неправедным обольщением погибающих за то, что они не приняли любви истины для своего спасения. И за сие пошлет им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи...» (Второе послание к Фессалоникийцам св. апостола Павла, гл. 2, ст. 9–11). (Подробнее см.: [2, с. 275–312; 3, т. 4, с. 618–655].)

Образы мошенников-«игроков» — из «театра» последних времён — угадываются и в гоголевской характеристике современной прессы — что «как всепогубляющая» — апокалиптическая «саранча» (ср.: Откр. 9: 3) «на крыльях журнальных листов <...> нападает на сердце людей повсюду»: «Люди тёмные, никому не известные, не имеющие мыслей и чистосердечных убеждений, правят мненьями и мыслями умных людей, и газетный листок, признаваемый лживым всеми, становится нечувствительным законодателем его не уважающего человека. Что значит все незаконные эти законы, которые видимо, в виду всех, чертит исходящая снизу нечистая сила?...» (статья «Светлое Воскресенье» [3, т. 6, с. 201, 202]). Словом, гоголевские «Игроки» — это подробное изображение «законодательных» правил современной шулерской «игры», вполне законченная «притча» о современности, в которой самые изощрённые лукавство и подлог, имеющие свои древние корни (диавол — клеветник; греч.), скромно именуются «информационной войной».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Виноградов И. А.* Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое изд-е: в 3 т. М.: ИМЛИ РАН, 2011–2013. Т. 1–3. 904 + 1031 + 1168 с.
- 2 *Виноградов И. А.* Гоголь — художник и мыслитель: Христианские основы миросозерцания. М.: ИМЛИ РАН, 2000. 448 с.
- 3 *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. (15 кн.) / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010. 664 + 688 + 680 + 744 + 816 + 720 + 968 + 392 + 488 + 704 + 592 + 608 + 624 + 816 + 936 с.
- 4 *Гоголь Н. В.* Собр. соч.: в 9 т. (7 кн.) / сост., подгот. текстов и коммент. В. А. Воропаева, И. А. Виноградова. М.: Русская книга, 1994. 496 + 560 + 608 + 560 + 624 + 864 + 784 с.
- 5 *Зеньковский В.*, прот. Общие законы экономической жизни // Вестник Русского Христианского Движения. (Париж; Нью-Йорк; Москва), 1991. № 1 (161). С. 71–102.
- 6 *Иоанн Златоуст, святитель.* Иже во святых отца нашего Иоанна Златоустого, архиепископа Константинопольского, избранные творения. Беседы на Послание к Римлянам <св. апостола Павла> / Репринтное воспроизведение изд.: Творения святого отца нашего Иоанна Златоустого, архиепископа Константинопольского в русском переводе. Т. 9. Кн. 2. СПб.: Изд-е С.-Петербургской Духовной академии, 1903. М.: Издат. отдел Московского Патриархата, 1994. 864 с.
- 7 *Карамзин Н. М.* О древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях / подгот. текста и comment. А. Ю. Сергея // Лит. учеба. 1988. № 4. С. 97–142.

*Vinogradov Igor Alekseevich,
DSc of Philology,
Senior Researcher,
Institute of World Literature named after Maxim Gorky, Russian Academy of Sciences,
Povarskaia str. 25a, 121069 Moscow, Russian Federation
E-mail: info@imli.ru*

MEANING OF GAMBLING IN GOGOL'S COMEDY «GAMBLERS»

Abstract: The «gambling» in the comedy «Gamblers» by N. V. Gogol (1842) helps to highlight the belief of the writer that ignoring of spiritual ideals by a secularized society, orientation only to «technical» perfection leads to the exhaustion of the credit of trust between people without which existence of any public institute is impossible. Originality of Gogol's idea is that ordinary gambling is put on the same level with the numerous phenomena in public life in which «imagined» values based on their conditional recognition as valid, had played bigger role since Peter I and Catherine II times, than in pre-Pertine Russia. The play is considered in the context of all Gogol creativity; the paper traces its connection with «Government Inspector» (1836), «Dead souls» (1842), the book «The Selected places from correspondence with friends» (1847) and Gogol's other products.

Keywords: N. V. Gogol, art creativity, an author's plan, interpretation, a spiritual heritage.

REFERENCES

- 1 Vinogradov I. A. *Gogol' v vospominaniakh, dnevnikakh, perepiske sovremennikov. Polnyi sistematischeskii svod dokumental'nykh svidetel'stv* [Gogol in contemporaries' memoirs, diaries and correspondence. Full systematic set of documentary evidence]. Nauchno-kriticheskoe izd-e: v 3 t. Moscow, IMLI RAN Publ., 2011–2013. Vol. 1–3. 904 + 1031 + 1168 p.
- 2 Vinogradov I. *Gogol' – hudozhnik i myslitel': Hristianskie osnovy mirosozercanija* [Gogol as an artist and thinker: The Christian foundations of his outlook]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2000. 448 p.
- 3 Gogol' N. V. *Poln. sobr. soch. i pisem: v 17 t. (15 kn.)* [Complete collected works and letters in 17 vol. (15th book)], comp., podgot. tekstov i komment. I. A. Vinogradova, V. A. Voropaeva. Moscow, Kiev, Moskovskoi Patriarkhii Publ., 2009–2010. 664 + 688 + 680 + 744 + 816 + 720 + 968 + 392 + 488 + 704 + 592 + 608 + 624 + 816 + 936 p.
- 4 Gogol' N. V. *Sobr. soch.: v 9 t. (7 kn.)* [Collected works in 9 vol. (7th book)], comp., podgot. tekstov i komment. V. A. Voropaeva, I. A. Vinogradova, Moscow, Russkaja kniga Publ., 1994. 496 + 560 + 608 + 560 + 624 + 864 + 784 p.
- 5 Zenkovsky V., archpriest. *Obshie zakony ekonomicheskoy zhizni* [The general laws of economic life]. *Vestnik Russkogo Hristianskogo Dvizhenija* [The bulletin of Russian Christian Movement]. (Paris; New York; Moscow), 1991, no 1 (161), pp. 71–102.
- 6 Ioann Zlatoust, sviatitel'. *Izhe vo sviatykh ottsa nashego Ioanna Zlatoustogo, arkhiepiskopa Konstantinopol'skogo, izbrannye tvoreniia. Besedy na Poslanie k Rimlianam <sv. apostola Pavla>* / Reprintnoe vosproizvedenie izd.: Tvoreniia sviatogo ottsa nashego

- Ioanna Zlatoustogo, arkhiereiskopa Konstantinopol'skogo v russkom perevode. T. 9. Kn. 2. St. Petersburg, Izdanie S.-Peterburgskoi Dukhovnoi akademii Publ., 1903 [Works by Our St. Father John Chrysostom, archbishop of Konstantinopol. Orations on the Letter to Romans <st. apostle Paul> / Reprinted edition: Works by St. Father John Chrysostom, archbishop of Konstantinopol in Russian translation. Vol. 9. Part 2. St. Petersburg, S.-Peterburg Dukhovnoj akademii Publ., 1903]. Moscow, Izdatel'skij otdel Moskovskogo Patriarhata Publ., 1994. 864 p.
- 7 Karamzin N. M. O drevnej i novoj Rossii v eje politicheskem i gtrazhdanskem otnoshenijah [About ancient and new Russia in its political and civil relations], podgot. tekstov i komment. A. Ju. Sergenja. *Literaturnaja ucheba* [Literary study], Moscow, 1988, no 4, pp. 97–142.